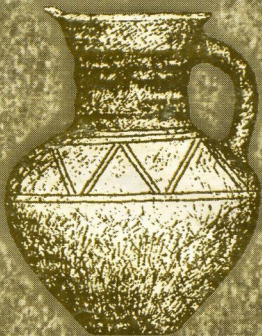

4765
488

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОРЕНБУРЖЬЯ

Институт археологии
История Оренбурга. Оренбург, 1997 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОРЕНБУРЖЬЯ

Сборник посвящается 20-летию деятельности
археологической экспедиции Оренбургского
педагогического института

Печатается по решению редакционно-издательского совета Оренбургского государственного педагогического института, протокол № 125 от 8.07.1996 г.

В сборнике публикуются материалы исследований некоторых археологических памятников в Оренбургской области. Они представляют различные этапы и культуры, от эпохи ранней бронзы и до средневековья. Полученные материалы свидетельствуют о их большой научной значимости для решения многих проблем истории степного населения Евразии.

Сборник предназначен для археологов, преподавателей вузов и школ, краеведов и студентов.

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор ОГПИ
Футорянский Л.И.
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник ИИЯЛ УНЦ РАН
Иванов В.А.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук, доцент ОГПИ
Моргунова Н.Л.

Н.Л. Моргунова
(г. Оренбург)

ИТОГИ И ЗАДАЧИ РАБОТЫ ОРЕНБУРГСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1977 году на базе Оренбургского пединститута начала свою работу Оренбургская археологическая экспедиция. Это имело большое значение для обширной территории Оренбуржья, где до того времени археологические исследования велись нерегулярно, в основном экспедициями из иногородних научных центров.

До начала работ нашей экспедиции особенно большой вклад в развитие южно-уральской археологии внесла экспедиция Института археологии АН СССР под руководством К.Ф. Смирнова. Однако при всей значимости итогов его работ необходимо отметить и тот факт, что в задачи экспедиции входили раскопки и исследования только памятников I тыс. до н.э., относящихся к сарматской культуре. Лишь попутно были открыты некоторые курганы бронзового века. Чрезвычайно пагубно сказалось на современном состоянии памятников археологии и то, что в то время не ставилась задача их планомерного выявления и постановки на учет. Таким образом, к концу 70-х годов на археологических картах страны Оренбургская область фактически оставалась «белым пятном». На учете находилось около 100 памятников археологии, но на гос. охране они не стояли. В большинстве же районов области археологические разведки вовсе не проводились.

Только создание местного научного археологического центра позволило за прошедшие 20 лет в некоторой степени ликвидировать эти пробелы.

Лаборатория и экспедиция создавались и росли исключительно благодаря средствам по хозяйственным со строительными организациями, Оренбургмелиорацией, Автодором, Оренбургнефть и др. Это позволило не только вести сна-

сательные раскопки памятников в зонах строительства, но и заниматься планомерными разведками в различных районах области, а также проводить научные изыскания по южно-уральской археологии в целом¹. Проведившимся исследованиям способствовала моральная и материальная поддержка областной администрации в лице Комитета по культуре и искусству, оренбургского отделения ВООПИК, областного краеведческого музея, городского Дома пионеров и школьников, ректората Оренбургского педагогического института.

За прошедшие 20 лет практически все районы Оренбургской области были охвачены археологическими раскопками и разведками.

Уже в 1977 году были проведены пешие разведки по берегам рек Урала и его притоку р. Черной, а также по рекам Ток и Малый Урал, в ходе которых были открыты десятки памятников. По результатам разведок затем в течение нескольких лет проводились раскопки ряда поселений и курганных могильников. Такие памятники, как Кардаиловский могильник в Илекском районе и Ивановское поселение-стоянка в Красногвардейском районе приобрели широкую известность в археологической науке нашей страны.

Постепенно обследовались и другие районы области. Разведочные отряды ОАЭ прошли и объехали берега и окрестности рек Урала, Самары, Сакмары, Бузулука, Киндели, Илека, Чагана, М. и Б.Кинеля и многих других, где в настоящее время стало известно более 2 тысяч археологических памятников. Параллельно велась большая работа по составлению паспортов на каждый памятник и оформлению археологической карты области. Эти усилия име-

ют огромное значение для решения давно назревшей для нашего региона проблемы по организации охраны памятников культурного наследия.

Сохранение памятников археологии – одна из насущных проблем не только в нашей области. Ее решением занимаются археологи всей страны. Но для нас она особенно актуальна, так силы археологов нашей области в сравнении с другими областями невелики. А между тем, памятники археологии – это единственный источник для воссоздания исторического прошлого нашего края; начиная с древнейших его этапов и практически до XVII–XVIII веков. Жизнь многочисленных племен и народов тех далеких времен пока представляется нам весьма туманной.)

Поэтому уберечь памятники археологии от разрушения – это основная задача, которую все эти годы ставила перед собой ОАЭ. Ведь из тех более чем 2 тысяч известных нам археологических объектов (а сколько еще не известно? сколько разрушено?) большинство подвергается тем или иным факторам разрушения. Особенно большой урон степным курганам наносит распашка земель, т. к. наладить инспекторскую службу по памятникам до сих пор не удалось. В то же время экспедицией ОГПИ благодаря охранникам раскопкам удалось спасти десятки памятников. Из них многие дали выдающиеся материалы по древней истории Южного Урала, вошли в научный фонд советской и российской археологии и широко используются для решения целого ряда проблем не только истории Урало-Поволжского региона, но и всей Евразии.

Памятники самого древнего периода истории человечества – эпохи палеолита в Оренбуржье пока не открыты. Однако некоторые находки каменных орудий вместе с палеофауной, а также близость знаменитой Каповой пещеры на р. Белой позволяют предполагать, что данная территория входила в ареал расселения палеолитических людей.

Немногом лучше представлена следующая ступень – эпоха мезолита. В первую очередь следует отметить открытие стоянки охотников на р. Ток, в Красногвардейском районе². Это единственный памятник с культурным слоем, в котором содержалось более трех тысяч каменных и костяных орудий. Раскопки стоянки позволили определить ее место среди других мезолитических памятников Южного Урала и на том основании поставить вопрос о решающей роли местного населения в формировании следующей культуры, относящейся уже к неолитической эпохе.

Наступление эпохи неолита связано со значительной перестройкой всего культурного развития населения евразийских степей. В конце VII – на протяжении VI тыс. до н. э. в Южном

Приуралье произошло формирование новой культуры, которая получила наименование волго-уральская культура³. Этот вывод был обоснован главным образом благодаря материалам раскопок на Ивановском поселении в Красногвардейском районе, продолжавшихся с 1977 по 1982 гг. В развитии волго-уральской культуры были выделены три этапа, на протяжении которых сама культура испытывала значительные изменения, связанные как с внутренним развитием, так с внешним влиянием. При этом отмечены разнообразные контакты местного населения с племенами Средней Азии, Нижнего Поволжья, Подолия-Поднепровья и Волго-Камья. Материалы Ивановского поселения, включающие многочисленные находки каменных и костяных орудий труда и оружия, обломков глиняной посуды, костей животных позволили сделать очень важный вывод о начале производящего хозяйства в лице скотоводства на Южном Урале в VI тыс. до н. э.⁴

Необходимо отметить, что результаты исследований Ивановской стоянки не оказались уникальными⁵. Именно в последние два десятилетия в соседних областях Поволжья и Приуралья были открыты аналогичные неолитические памятники, которые в совокупности позволили представить исторические процессы в Волго-Уральском междуречье как начало достаточно стремительного формирования культурного единства населения степной и лесостепной зон Восточной Европы, вылившиеся в сложение крупных культурно-исторических общностей эпохи энеолита и бронзового века⁶.

Несмотря на значительные успехи в изучении неолита Поволжья и Приуралья последних лет, возникают новые проблемы и многие вопросы остаются далекими от своего решения. Необходимы поиски и исследования новых памятников данной эпохи. При этом особое значение приобретут раскопки как крупных стратифицированных поселений, так и однослойных стоянок, а также погребальных неолитических памятников, до сих пор неизвестных не только в Оренбуржье, но и в соседних областях. Большой проблемой, чаще всего связанной с ограниченными финансовыми возможностями нашей археологической науки, является применение всех возможных методов в изучении раскапываемых памятников, в том числе методов смежных наук – палеоантропологии, палеозоологии, почвоведения, абсолютного датирования и др.

В последние годы значительный вклад ОАЭ внесла в исследование эпохи энеолита. Культурные слои данного периода изучены на Ивановском поселении и Турганниковой стоянке в Красногвардейском районе⁷, на Кузьминковской стоянке в Ташлинском районе⁸. Материалы указанных памятников дополнили сведения о самар-

кой культуре, наметив в ее развитии два хронологических этапа. Важное значение приобрел вывод о вхождении самарской культуры в культурно-исторические области степной зоны - мариупольскую и хвалынскую⁹.

Для самарской культуры характерны два типа керамики: ивановского (воротничкового) и токского типов. Их синхронность и однокультурность доказывается совместным нахождением в одних комплексах, а также близкими признаками в технологии производства и орнаментации. Обе группы материалов имеют истоки в волго-уральской культуре, что свидетельствует в пользу сложения самарской культуры на базе местного неолита. Преемственность наблюдается и в других категориях находок: каменных и костяных изделиях. Каменный инвентарь многообразен и, в целом, сохраняет пластинчатый характер производства основных орудий труда и оружия¹⁰.

Большой интерес вызвало открытие в слое Ивановской стоянки керамики турганского типа, по ряду признаков отнесенной к репинскому времени развития степных культур¹¹. Материалы оригинальны и пока представлены исключительно керамическими материалами. Самостоятельные поселения этого типа пока не выявлено, неизвестны и погребальные памятники. В силу данных обстоятельств затруднена и интерпретация материалов турганского типа. Очевидно лишь то, что они относятся уже к периоду, когда на территорию бывшей самарской культуры начинается передвижение ямных групп населения, представленных в Оренбуржье рядом погребений (Герасимовка II и др.). Какова роль населения, оставившего турганские материалы, в дальнейшей истории края, какова связь их с предшествующими энеолитическими племенами или с восточными племенами Зауралья, которое, как предполагают некоторые исследователи, явилось исходной территорией продвижения «турганцев» в Предуралье¹², — все эти вопросы пока остаются без ответа до накопления необходимых источников исследования.

Следующая крупная проблема, в разработке которой ОАЭ внесла ощутимый вклад, получив в результате раскопок многочисленных курганов ранней бронзы принципиально новый и достаточно массовый материал, — это проблема древнейшей культурно-исторической общности в ее приуральском варианте. Были изучены полностью такие могильники, как Болдырево I в Ташлинском районе¹³, Изобильное II и Тамар-Уткуль VII и VIII в Соль-Илецком районе¹⁴, Ниж. Павловка V в Оренбургском районе¹⁵ и др. В ряде памятников произведены исследования нераскопанных в прошлые годы экспедицией К. Ф. Смирнова курганов (Герасимовка II¹⁶, хут. Барышников¹⁷). В каждой из раскопанных курганных

групп, как правило, находились большие курганы. Например, в Болдырево и Барышникове центральное место занимали 60-метровые курганы высотой до 6 м. Раскопки могильников полностью позволили получить разноплановый материал, позволивший во многом дополнить существовавшие ранее представления о древнейшей общности¹⁸.

Нами была разработана периодизация древнейшей культуры Южного Приуралья, сделаны выводы о сохранении древнейших традиций в полтавкинско-катакомбное время, о значительном вкладе населения в формирование приуральского металлургического центра, а также о развитой социальной дифференциации в древнейшем обществе в зависимости от развитого металлургического производства и кочевого скотоводства, достаточно рентабельного в условиях степи - юга лесостепи. Интересны результаты антропологических исследований¹⁹.

Все указанные проблемы достаточно спорны и далеки от своего окончательного решения. Имеются принципиально иные точки зрения ряда исследователей. Так серьезные разногласия вызывают материалы заключительного этапа ямной культуры, объединенные Н. К. Качаловой, И. Б. Васильевым и П. Ф. Кузнецовым в понятие полтавкинская КИО²⁰. Фактически не разработана и нуждается в специальном исследовании проблема участия населения древнейшей культуры в формировании степных культур эпох средней и поздней бронзы.

✓ В последние годы значительно пополнена источниковедческая база по истории эпохи поздней бронзы. Впервые были произведены раскопки поселений срубной культуры - Родникового в Переволоцком районе, Токского и Ивановского в Красногвардейском, Покровского в Новосергиевском²¹. Пополнены и материалы из раскопок курганов могильников срубной и алакульской культур - Свердлово IV, Пролетарка, Уранбаш и др.²². Следует отметить и раскопки башкирских археологов на территории Оренбургской области. ими был раскопан ряд могильников синташтинского, срубного, алакульского или смешанного срубно-алакульского типа²³. ✓

Отрядом ОАЭ в 1989 году были открыты Каргалинские рудники²⁴, дальнейшее изучение которых успешно проводится в настоящее время экспедицией ИА РАН под руководством Е. Н. Черных.

За 20 лет работы ОАЭ накоплен значительный материал по истории раннего железного века. К сожалению, целенаправленные исследования по данной проблематике в последние годы не проводились из-за неимения специалистов. Весь полученный материал происходит из новоостроечных работ или из впускных погребений в курганы бронзового периода²⁵. В некоторой

степени пробел в изучении сарматской культуры компенсируют следующие публикации настоящего сборника.

Сарматская культура в Оренбургской области изучена неплохо и достаточно полно освещена в трудах К. Ф. Смирнова, М. Г. Мошковой и др. Тем не менее находки последних лет внесли много нового в историю степного населения эпохи раннего железа. Замечательное открытие было сделано А. Х. Пшеничником у с. Филипповка Илекского района в 1986-87 гг.²⁶, где были обнаружены богатые захоронения сарматской знати, некрополи которых по пышности обряда и обилию ювелирных украшений не уступали самым известным курганам скифских царей.

Разнообразие погребальных традиций, отражающих разноэтничность, многосторонние культурные связи, а также сложное социальное устройство сарматского общества, продемонстрировали раскопки у с. Карданлово в Илекском районе²⁷, у с. Покровка Соль-Илецкого района²⁸, у с. Бердянка и Чкаловского Оренбургского района²⁹.

Слабо изученными остаются эпохи раннего и позднего средневековья, т. е. история расселения на территории Южного Урала тюркоязычных народов. Специальные исследования памятников этого периода в последние годы проводятся лишь уфимским археологом В. А. Ивановым. Им раскапываются курганы печенегов и половцев, а также кочевников периода Золотой Орды.

Оренбургская экспедиция из-за неимения собственного археолога, работающего в данном направлении, раскопки средневековых курганов производила лишь эпизодически. Так были открыты кипчакские погребения в могильнике у с. Буранчи Беляевского района и кирпичный мавзолей золотоордынского хана у с. Изобильно Соль-Илецкого района³⁰.

Оценивая в целом прошедшие двадцать лет работы Оренбургской археологической экспедиции, можно сделать вывод о значительном ее вкладе в накопление источниковедческой базы

по первобытной истории Урала и Поволжья. Но пока лишь сделан первый шаг по созданию рабочей схемы развития различных культур и народов на данной территории, намечены пути к решению целого ряда проблем воссоздания древнего прошлого Оренбургского края. Дальнейшие исследования предполагают как накопление новых источников, которые могут привести к самым неожиданным открытиям, так и их осмысление на качественно ином уровне археологических полевых и лабораторных работ.

На следующем этапе археологического изучения Оренбуржья должны развиваться прежде всего комплексные исследования всех видов памятников, в которых наряду с чисто археологической методикой будет широко использоваться и результаты исследований естественных наук. Для этого необходимо находить средства и привлекать специалистов, которых, к сожалению, нет у нас в области, - это антропологов, палеоэтнологов и представителей других направлений.

Важным звеном в работе ОАЭ останется и работа по сохранению археологического наследия. Уже много сделано, но впереди - осуществление задачи по созданию действительно эффективной системы охраны памятников. Другими словами, важно перейти от сбора информации и уровня учета памятников к наблюдению за их состоянием и сохранностью. В этом плане мы много лет добивались, и, наконец, это стало реальностью - принятие на областном Законодательном собрании Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры Оренбургской области». Чтобы этот закон заработал, необходимо создание инспекторской службы и укрепление ее профессиональными археологами. Другой, параллельный путь организации археологической службы - это создание природно-археологических заповедников типа «Арканма» в Челябинской области.

Подобные заповедники, и челябинцы это доказали, создают все условия для развития как самой науки всех вышеотмеченных направлений, объединяя усилия многих специалистов, но и способствуют развитию экологического и культурного воспитания населения. ✓

1. Пользуясь случаем, приношу большую благодарность всем тем, кто в разные годы принимал участие в работе ОАЭ и своим бескорыстным трудом и энтузиазмом внес значительный вклад в дело развития оренбургской археологии. Это бывшие студенты исторического факультета ОГПИ с 1977 по 1996 гг. Среди них особенно хочется вспомнить членов студенческого археологического кружка: О. Порохову, С. Иванову, Т. Ткачеву, Г. Тихонову, С. Чернову, Н. Ледяеву, А. Поторочину, Е. Козлова, М. Ежкову, Т. Демидову, Н. Гудкову, Н. Коре-

нюк, Л. Ганьшину, В. Кузьмину, А. Невдаху, П. Федорову, С. Богданова, С. Шелленберг, А. Кравцова, А. Госсена, О. Колесникову, Т. Минаеву, Е. Кислову, Л. Елатанцеву, Г. Чигрову, Е. Золотареву, Н. Ростову, С. Воронову, Р. Берникову, Т. Синягину, О. Петрякину, Н. Туйгунову, Т. Колобовникову, В. Трегубова, Д. Мещерякова, М. Кашапова, В. Дерябина, О. Чересова, Ю. Мутьянова, А. Семивеличенко, М. Халыпина, Л. Краева, Е. Тейхриб, Н. Хомякову, Е. Лылову, Л. Потапову, Л. Исакову, В. Чубарова.

2. Моргунова Н. Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка. В сб. : Древние памятники на территории Восточной Европы. - Воронеж, 1983.
3. Моргунова Н. Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области. - В сб. : Энеолит Восточной Европы. - Куйбышев, 1980; она же: Ивановская стоянка в Оренбургской области. - В сб. : Археологические культуры Северного Прикаспия. - Куйбышев, 1988; она же: Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья. - Автореф. канд. ист. наук. - М., 1984; она же: Некоторые итоги изучения неолита и энеолита в южной зоне лесостепного Приуралья. - В сб. : Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. - Уфа, 1987.
4. Моргунова Н. Л. Хозяйство населения волго-уральской и самарской культур. - В сб. : Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. - Оренбург, 1986; она же: Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. - Оренбург, 1995.
5. Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). - Куйбышев, 1988; Буров Г. М. Каменный век Ульяновского Поволжья. - Ульяновск, 1980; Юдин А. И. Варфоломеевская неолитическая стоянка. - В сб. : Археологические культуры Северного Прикаспия. - Куйбышев, 1988; Матюшин Г. Н. О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала. - В сб. : Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. - Уфа, 1981.
6. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. - М., 1974; он же: Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы. - М., 1980; Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. - Куйбышев, 1985; и др.
7. Моргунова Н. Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки. - В сб. : Неолит и энеолит Северного Прикаспия. - Куйбышев, 1989; она же: Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры. - В сб. : Эпоха меди Восточной Европы. - Куйбышев, 1984.
8. Моргунова Н. Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области. - В сб. : Древние культуры Северного Прикаспия. - Куйбышев, 1986.
9. Моргунова Н. Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне...; Васильев И. Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). - Куйбышев, 1981.
10. Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья. - Оренбург, 1995.
11. Там же.
12. Васильев И. Б. Поздний энеолит лесостепного Поволжья. - В сб. : Энеолит лесного Урала и Поволжья. - Ижевск, 1990.
13. Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л. Погребения древнейшей культуры на р. Иртек в юго-западном Оренбуржье. - В сб. : Древности восточно-европейской лесостепи. - Самара, 1991.
14. Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древнейшей культуры на Илеке. - Екатеринбург, 1994.
15. Богданов С. В., Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л. Курганы древнейшей культуры в левобережье р. Урал. - В сб. : Древняя история волго-уральских степей. - Оренбург, 1992.
16. Порохова О. И. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области. - В сб. : Древняя история населения волго-уральских степей. - Оренбург, 1992.
17. Раскопки Н. Л. Моргуновой и М. А. Турецкого. Статья в печати.
18. Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Древняя культура Приуралья. - СА. 1993. - №4; они же: Указ. соч. ; Моргунова Н. Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья. - СА. - 1991. - №4.
19. Яблонский Л. Т., Хохлов А. А. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области. - В кн. : Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Указ. соч.
20. Качалова Н. К., Васильев И. Б. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья. - СА. - 1989. - №2; Кузнецов П. Ф. Полтавкинская КИО. - Свердловск-Куйбышев, 1989.
21. Моргунова Н. Л., Порохова О. И. Поселения срубной культуры в Оренбургской области. - В сб. : Поселения срубной общности. - Воронеж, 1989.
22. Материалы не опубликованы, хранятся в фондах археологической лаборатории ОГПИ. Раскопки О. И. Пороховой.
23. Горбунов В. С. Могильник бронзового века Ветлянка IV. - В сб. Древняя история населения волго-уральских степей. Оренбург, 1992; он же: Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. - Уфа, 1990.
24. Кравцов А. Ю. Отчет о разведках в 1989 г. в Кувандыкском и Октябрьском районах Оренбургской области. - Архив ИА РАН.
25. Воронова С. А., Порохова О. И. Чкаловский курганный могильник. - В сб. : Древняя история волго-уральских степей. - Оренбург, 1992.
26. К сожалению, материалы раскопок до сих пор не опубликованы.
27. См. статью Н. Л. Моргуновой в настоящем сборнике.
28. Курганы левобережного Илека. Т. I, II, III. - М., 1993, 1994, 1995 г.
29. Материалы не опубликованы. Раскопки Н. Л. Моргуновой и Д. В. Мещерякова.
30. Раскопки М. А. Турецкого. Материалы не опубликованы.

Н.Л. Моргунова
(г. Оренбург)

КУРГАНЫ У СЕЛ КРАСНОХОЛМ И КАРДАИЛОВО В ИЛЕКСКОМ РАЙОНЕ

С 1977 по 1980 гг. Оренбургская экспедиция производила раскопки курганов у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе Оренбургской области. Раскопки велись в связи со строительством Черновской оросительной системы. Были изучены курганы в пяти могильниках: I Краснохолмском, II Краснохолмском, II Краснопартизанском, I Кардаиловском и II Кардаиловском.

Данная статья посвящена полной публикации материалов из раскопанных памятников.

I Краснохолмский могильник

Памятник располагается на высокой I надпойменной террасе правого берега р. Черной, в 3 км к югу от с. Краснохолм. Он состоял из 15 курганов, вытянутых цепочкой с востока на запад, т. е. перпендикулярно краю террасы. Территория могильника распахивается. Вручную раскопаны курганы №№ 2, 7, 14¹.

Стратиграфия всех курганов сходна. Верхний слой пахотный, темно-серая супесь, мощностью до 30 см. Насыпь светло-серая, плотная супесь. Погребенная почва бурая, плотная супесь, лежавшая на желтом песке.

КУРГАН 2 (рис. 1). Диаметр кургана - 18 м, высота - 0,4 м. На уровне материка были выявлены пятна двух погребений, из которых №1 - основное.

Погребение 1 было совершено в яме прямоугольной формы, ориентированной по линии ЮЗ-СВ. Размеры ямы: 210x135 см, глубина от материка 72 см. Погребение было полностью ограблено, в заполнении ямы встречались поломанные человеческие кости, местами окрашенные охрой. На дне ямы прослеживались остатки органической подстилки с пятнами охры.

Погребение 2 находилось в центре кургана в обширной яме прямоугольной формы со сторонами 186x270 см, глубиной 76 см от ма-

терика. В заполнении ямы на глубине 50-67 см от материка было выявлено перекрытие из деревянных жердей, лежавших вдоль могилы. Под ним на дне ямы, устланном органической подстилкой, лежали скелеты двух погребенных, расположенных на спине, параллельно друг другу, головами на юг. Оба скелета были покрыты покрывалом, сплетенным из камыша. Выше покрывала заполнение состояло из многочисленных углей, смешанных с мелом. Кости погребенных и покрывало сильно обуглились. В погребении обнаружен следующий вещевой комплекс: два сосуда, кости барана, каменный жертвенник круглой формы диаметром 9 см, костяной предмет с резным орнаментом, бронзовая бляха, глазчатая бусина из синей пасты, квадратный отполированный камень, глиняный сосуд-курильница. В заполнении ямы, среди костей и в пучках обнаружено 65 наконечников стрел из бронзы. Большинство из них трехлопастные с выступающей втулкой, 6 наконечников - с внутренней втулкой. Часть из них находилась вместе с древками справа от левой ноги костяка, расположенного вдоль западной стенки. Все они, видимо, были положены в колчан, т. к. под древками сохранились кусочки кожи. Остатки второго колчана в виде 10 наконечников стрел с древками находились на костях правой руки второго скелета. Три наконечника стрел с обломанными лопастями застряли в ребрах западного костяка.

Сосуд 1 находился в ЮВ углу ямы: горшковидной формы с раздутыми боками, с невысоким венчиком, с округлым, слабо уплощенным дном, толстостенный, украшен валиком по сгибу горловины. $D_{\text{горл}}$ - 11 см, $D_{\text{тулова}}$ - 21,8 см, h - 23 см.

Сосуд 2 находился в ЮЗ углу ямы: кубшинообразной формы, с невысоким растробовидным горлом, раздутым туловом, плоским, слабоогнутым дном. На плечиках - два горизонтальных желобка. D_r - 0,4 см, D_r - 21,8 см, $D_{\text{дно}}$ - 8 см, h - 25 см.

КУРГАН 7 (рис. 2). Диаметр - 16 м, высота - 0,3 м. В кургане выявлено одно погребение, совершенное в яме прямоугольных очертаний со сторонами 150x200 см. Глубина ямы 140 см. Ориентировка по линии запад-восток. На дне ямы, устланном травой и посыпанным охрой, обнаружены остатки скелета, по положению некоторых костей которого можно предполагать западную ориентировку погребенного. Из вещей в яме находились фрагменты лощеного горшковидного с плоским дном сосуда, каменный терочник.

КУРГАН 14. Диаметр - 16 м, высота - 0,2 м. В кургане изучено одно погребение, выявленное на уровне материка, ориентированное по линии ЮЗ-СВ. Могильное пятно имело квадратные очертания с закругленными углами. Его размеры: 200x210 см, глубина ямы от материка 70 см. Погребение ограблено, кости раскиданы по всей яме. В заполнении ямы встречались угольки и кусочки мела. Из вещей в яме находилось глиняное грузило (рис. 2,4), днище алебастрового сосуда (рис. 2,5), круглая бронзовая бляха диаметром 3 см, фрагмент керамики.

В итоге рассмотрения полученных материалов можно заключить, что наиболее ранние погребения I Краснохолмского могильника относятся к ранней или средней бронзе и связаны с ямной культурой (к.2, п.1). Одно погребение, видимо, было совершенно представителями алакульской культуры (к.7, п.1). Остальные захоронения (к.2, п.2; к.14, п.1) относятся к прохоровскому этапу сарматской культуры.

II Краснохолмский могильник

Могильник располагался за восточной околицей с. Краснохолм у кирпичного цеха и мельницы, на высокой I надпойменной террасе левого берега р. Урал². В группе насчитывалось 3 кургана. Раскопан при помощи техники КУРГАН I, диаметр которого достигал 36 м, высота 0,8 м.

Стратиграфия кургана проста. Задернованная насыпь достигала в центре мощности 80 см, по краям выклинивалась. Она представляла собой суглинок светло-серого цвета и лежала на погребенной почве, темно-бурым суглинке мощностью около 30 см.

В кургане выявлено пять погребений, из которых №4 являлось основным, остальные впускные. Из последних, погребения №№1, 2 и 5, были совершены в насыпи кургана и в той или иной степени разрушены грызунами. Вещи в погребениях отсутствовали. Останки одного скелета лежали головой на З, другого на ЮЗ, ориентировка третьего не определялась.

Интерес представляет впускное погребение №3. Оно было выявлено в насыпи на глубине 80 см от нуля. Костяк лежал на спине головой на ЮЗ. Рядом с левым плечом и у стопы левой ноги стояло по сосуду.

Сосуд 1 (рис. 3,2) имел горшковидную форму с уплощенным дном и с фигурной ручкой. С одной стороны украшен вертикально прочерченными линиями, расположенными пучками,ходящими от двух горизонтальных желобков по основанию горла сосуда. Размеры: D_r - 9,5 см, $D_{\text{дно}}$ - 5 см, p - 5 см, h - 4 см.

Сосуд 2 (рис. 3,3) горшковидной формы с плоским дном был украшен аналогично сосуду №1. Размеры: D_r - 7,3 см, $D_{\text{дно}}$ - 4 см, h - 8,5 см. В погребении обнаружены также две костяные ложки (рис. 3,5-6) и каменное плоское блюдо размерами 45x32 см (рис. 3,7).

Погребение 4 (рис. 1,4) было совершено в яме прямоугольной формы 250x180 см, глубиной 225 см от уровня материка. В заполнении ямы, состоящего из темного гумуса, смешанного с глиной, в большом числе встречались обломки речных ракушек, угольки, кусочки дерева. В северном углу ямы чуть ниже уровня материка находились 4 тщательно обработанных трубочки из костей дрофы. Дно ямы было покрыто органической подстилкой, обильно посыпано охрой. Охрой был окрашен и костяк взрослого мужчины около 50 лет, лежавшего на спине с подогнутыми вправо ногами, головой на СВ, руки сложены на животе. На 20-25 см выше костяка прослежена прослойка угля, смешанного с охрой, а на нем слой глины толщиной около 10 см.

Погребение 4 было оставлено населением ямной культуры, над ним была возведена насыпь. Культурная принадлежность остальных погребений по некоторым деталям определяется как сарматская. Более определенно к сарматской культуре может быть отнесено погребение №3.

СОДЕРЖАНИЕ

Моргунова Н.Л. Итоги и задачи работ Оренбургской археологической экспедиции.	3
Моргунова Н.Л. Курганы у с.Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе.	8
Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р.Илек.	44
Бытковский О.Ф. Ткачев В.В. Погребальные комплексы среднего бронзового века из Восточного Оренбуржья.	68
Ткачев В.В. К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде.	85